

Антонио ПАМИЕС

Гранадский Университет, Испания

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ И СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ

В предыдущих работах на основе многоязычной выборки фразеологизмы были проанализированы нами методом когнитивно-метафорического моделирования (Lakoff & Johnson 1980; Mokienko 1980; Lakoff 1993; Dobrovol'skij 1992, 1993, 1998, 2000) и лексико-семантической типологии (Wierzbicka 1996, 1999, 2000). С помощью данного метода мы предполагали выявить системные механизмы процесса образования фразеологизмов. В результате, хоть и частично, но все-таки удалось подтвердить существование так называемых иконических моделей, или архиметафор (Pamies 2002; Iñesta & Pamies 2002; Pamies & Rodríguez 2005). Однако методологическое обоснование данных категорий весьма дискуссионно и нуждается в уточнении, тем более, что спорным является и сам предмет исследования – происхождение и механизм метафоризации, так как уже из определения следует, что он “невидим”, и поэтому в ряде случаев приходится делать умозрительные заключения.

Применение когнитивной теории существенно расширяет поле исследования метафор; однако не все понятия метафоричны: необходимо существование определенного семантически неделимого ядра-основы, в котором отсутствуют метафорические элементы и на основе которого можно развивать результаты проекций метафорических понятий. При максимальном упрощении проблема сводится к решению двух задач: установление причин возникновения метафор и оснований предпочтения тех или иных метафор в речи (Gibbs 1999: 44).

Представители когнитивной семантики считают, что основным общим источником возникновения всех метафор является восприятие, психомоторные механизмы и личный опыт (*embodied experience*) человека (Lakoff 1987:11). Таким образом, согласно данной теории, признанной в широких кругах, определенные клише позволяют проецировать базовые знания человека, основанные на чувственном и физическом опыте, на более отдаленные и/или абстрактные сферы.

Image schemas emerge throughout sensorimotor activity, as people manipulate objects, orient themselves spatially and temporally, or direct their perceptual focus for various purposes. Image schemas cover a wide range of experiential structures that are pervasive in experience, have internal structure, and can be metaphorically elaborated for our understanding of more abstract domains (Lakoff 1987: 45).

Тот факт, что эмергентное понятие, служащее точкой опоры, имеет в основном биологическое и психологическое происхождение, позволяет предположить, что оно универсально; другими словами, свойство универсальности является неотъемлемой частью нашего подхода к анализу данной проблемы. Вследствие этого возникает необходимость сопоставить когнитивную теорию с типологической теорией о семантических универсалиях, с одной стороны, с межъязыковым анализом выражений, ярко иллюстрирующих метафорические процессы, – с другой. В этом аспекте фразеология занимает особое положение. Несмотря на поверхностные вариации бесчисленных частных случаев метафор, эмергентные понятия, составляющие основу этих метафор, могут совпадать в значительном количестве случаев. Путем систематического исследования таких совпадений на материале фразеологии нескольких языков можно подтвердить (или опровергнуть) идеи, которые иллюстрируются в когнитивной семантике несколькими субъективно отобранными примерами.

Для структурной семантики тип метафоры, который часто встречается в составе фразеологических единиц, является “мертвой метафорой”, зафиксированной вследствие частотного употребления (LeGuern 1973). Необходимо отметить, что данная концепция опровергается в когнитивной семантике (Lakoff 1993, 1997), постулирующей наличие постоянно действующего механизма проециро-

вания, который способствуют восприятию метафоры независимо от того, является ли эта метафора этимологически “застывшей” (*frozen metaphors*) или “новой” (*novel metaphors*). **Метафорическая компетенция** важна при расшифровке обоих типов метафоры, поскольку то, что для отправителя является “застывшим”, для получателя может быть “новым”. В определенном смысле, подтверждение этих данных стало возможным благодаря простому эксперименту спонтанного восприятия идиоматических выражений иностранными студентами при условии, что в их родном языке не существует формального соответствия предложенных единиц (Kövecses & Radden 1998; Potapova 2001).

Фразеологический корпус состоит в основном из метафор, поскольку его составные глагольные формы комплексно означают одно-единственное понятие, исходя из другого понятия (например, *subirse por las paredes* [*подниматься по стенам], *estirar la pata* [*вытянуть лану], *estar en la cuarta pregunta* [*находиться на четвертом вопросе] для обозначения злости, смерти или бедности). Принято считать, что метафоризация лежит в основе фразеологизмов: (Dobrovolskij 1998: 57). Понятие синхронной мотивации противопоставлено (хотя бы частично) двойственной характеристике знака в определении Сосюра и позволяет исследовать возможную систематичность и продуктивность механизмов ее образования, восприятие и употребление фразеологизмов независимо от этимологических характеристик каждого из них: *то, что объективно или исторически появляется как возможное, может онтологически или феноменологически быть мотиватором или мотивированным* (Martín Morillas 1992: 630).

Исследования фразеологических метафор в направлении, обратном проекции, позволяют выявить “базовые” понятия психосенсорного или психомоторного порядка, широко использующиеся в нескольких языках. Однако, при анализе фразеологического материала дескриптивный аппарат, который используют Дж. Лакофф и М. Джонсон (1980) тело – это сосуд, любовь – это путешествие, вверх – это хорошо, а вниз – это плохо, является достаточно своеобразным (может, все-таки, сосуды и путешествия выступают локативными понятиями?), а на более высоком уровне они являются слишком общими для того, чтобы их можно было использовать при исследовании конкретной выборки (концептуальные, ориентационные, онтологические метафоры). Еще одним недостатком мето-

да, предложенного этими авторами, является описательный аппарат, который производит впечатление созданного *ad hoc*, не в последовательном изложении материала, а в импровизированной выборке, подстроенной под специально подобранные примеры таким образом, что применительно к конкретной сплошной выборке данный инвентарий оказывается неконтролируемым. Несмотря на то, что мы разделяем общие принципы, лежащие в основе классификации понятий, мы все же считаем необходимым усовершенствование структурирования данного метаязыка. Выделение тех или иных групп метафор объясняется тем, что они достаточно иллюстративны и характеризуются общими продуктивными механизмами.

Одним из требований, которым отвечает металингвистическая классификация, служащая для исследования семантической фразеологизации, является следующее: “базовые” продуктивной прототипичной модели должны повторяться при анализе других продуктивных прототипных моделей. Фразеологические единицы (ФЕ) классифицируются по понятиям (*область цели*), которые они выражают, для дальнейшего распределения по категориям в соответствии с их образными характеристиками (*область источника*). Данный уровень исследования мы называем *иконической моделью* (*modelo icónico*) (Pamies & Iñesta 1999). Например, **частная метафора** *душа падает в пятки* характеризуется областью цели страх и основана на **иконической модели**, которая в данном случае представлена сочетанием областей источника движение + тело. Часто одна иконическая модель может подразделяться на несколько **архиметафор**, которые представляют собой подгруппы или промежуточный уровень между иконической моделью и частными метафорами. Например, иконическая модель движение + тело может быть разделена на несколько архиметафор в зависимости от направления движения, которое она выражает (движение вверх или вниз, во вне или внутрь и т. д.).

В принципе, вполне достаточна трехуровневая иерархия: **иконическая модель** > **архиметафора** > **частная метафора**. Бесспорно, речь идет лишь о металингвистическом преобразовании, единственной целью которого является его использование для классификации языкового материала и проверки первоначальной гипотезы. Данная иерархия может быть представлена схематически, например, понятие СТРАХ (Pamies & Iñesta 1999) (см. Таблица 1).

При сопоставлении данной терминологии с терминологией Дж. Лакоффа и М. Джонсона можно отметить существенные различия. Эти авторы называют “структурной метафорой” клише спор – это война, с помощью которого возможно объяснение таких выражений как рус. *разбить доказательства, опровергнуть утверждения*. Проблема состоит в том, что под такой “ярлык” можно подвести лишь те метафоры, в которых СПОР являлся бы областью цели, а ВОЙНА – областью источника. Но в таком случае упомянутые выражения не имеют ничего общего с другими, типа рус. *его пригвоздил страх* или рус. *уписывать, аж за ушами трещит*, и для классификации сплошной выборки подобных фразеологических единиц необходимы сотни тысяч “структурных метафор”. Предлагаемая нами иерархическая модель содержит *иконическую модель* [конфликт], которая потенциально применима к любой области цели, а потому широко используется не только, когда речь идет о *споре*: иконическая модель конфликт включает архиметафору страх – это агрессия, если используется при использовании области цели страх (например, частная метафора рус. *его пригвоздил страх*) и архиметафору МНОГО ЕСТЬ – это самоагрессия используется в области цели есть (рус. *уписывать, аж за ушами трещит*). спор – это конфликт является еще одной **архиметафорой** в рамках той же иконической модели [конфликт], примененной в данном случае в области цели говорить.

В предложенной дескриптивной модели непринципиальна разница, которую установили Дж. Лакофф и М. Джонсон между структурной и ориентационной метафорой (например, вниз – это плохо) или онтологической метафорой (например, АНИМАЛИЗАЦИЯ), поскольку движение или животный мир являются просто разными типами областей источника. По этой причине для образования новых иконических моделей возможно сочетание уже существующих, и образованные модели, в свою очередь, подразделимы на архиметафоры. Например, область источника ДВИЖЕНИЕ сочетается с областью источника ТЕЛО, образуя иконическую модель [ДВИЖЕНИЕ + ТЕЛО], которая содержит архиметафору гнев – это движение тела вверх, включающую частные метафоры рус. *сыт по горло* или фр. *avoir la moutarde qui monte au nez* *иметь горчицу, которая поднимается в нос.

Идеальным было бы повторение одних и тех же иконических

моделей и архиметафор при анализе разных областей цели на материале ряда языков, так как ценность заключается именно в их присутствии на межъязыковом уровне. Иконическая модель [ДВИЖЕНИЕ + ТЕЛО] понятия гнев интересна настолько, насколько она может быть применима к области других понятий, таких как скорость (рус. *высунув язык*, фр. *à toutes jambes*, итал. *a gambe levate*; работа (исп. *arrimar el hombro*); бедность (рус. *гол, как сокол*, исп. *estar con una mano delante y otra atrás, dar con el culo en las goteras*, англ. *to live from hand to mouth*); несправедливость (рус. *свалить вину на кого-либо*, фр. *mettre sur le dos [quelque chose à quelqu'un]*); голод (рус. *живот подводит*, исп. *tener el estómago en los pies*, порт. *estar com a barriga nas costas*). Возникает вопрос, каким образом установить перечень понятий для того, чтобы иконические модели или их компоненты не были бы просто клише *ad hoc*, подобранными под исследуемые данные? Для объективности дескриптивного подхода необходимо учитывать несколько параметров:

а) должно быть ограничено количество описательных инструментов (областей источника, из которых складывается иконическая модель). Если понятия безграничны и неисчислимы, то *источники* должны быть ограничены количественно для большей эффективности подхода (Diller 1991: 210).

б) необходимо, чтобы области источника соответствовали универсальным или прозрачным для восприятия понятиям (например, ДВИЖЕНИЕ, ТЕЛО, ЖИВОТНОЕ и т. д.).

в) одна *иконическая модель*, по определению, должна включать большое количество частных метафор, вследствие чего она становится чрезмерно общим понятием для практического применения. Возникает необходимость создания промежуточной категории – архиметафоры. В таком случае, ФЕ, выражающие *гнев* рус. *выйти из себя*, порт. *ficar virado do avesso*, принадлежали бы одной архиметафоре (“движение во вне”), между тем как рус. *прийти в ярость, ползть в бутылку*, фр. *entrer en colère* и англ. *to fly into a rage* находятся в поле значения другой архиметафоры (“движение внутрь”), несмотря на то, что обе группы представляют одну и ту же иконическую модель ([ПРОСТРАНСТВО + ТЕЛО]).

Не вызывает сомнений присутствие субъективного фактора при выборе архиметафоры, но этот недостаток компенсируется тем, что архиметафора представляет собой промежуточный уровень, слу-

жащий классификатором. Таким образом, в качестве инструмента описания может применяться исключительно иконическая модель. Выбор архиметафоры в качестве инструмента описания объясняется возможностью ее применения в разных иконических моделях. Например, архиметафоры “движение во вне” и “движение внутрь” не ограничиваются иконическими моделями гнев, а применимы также и в других типах страх (сравните рус. *(у кого-то) сердце из груди готово выскочить*, англ. *to have one's heart in one's mouth* = “во вне” с рус. *в меня вселился страх*, исп. *le entró miedo *в него вошел страх* = “во внутрь”). Использование данной иерархической модели для анализа языкового материала позволяет в значительной степени избежать ограниченности категорий, выведенных исключительно из примеров, особенно если они выборочны.

На первом этапе классификации мы объединяем фразеологические единицы по их ономаσιологическому признаку (по области цели), но на следующем этапе мы используем онтогенетический критерий (иконические модели, архиметафоры, частные метафоры). Тот факт, что частные метафоры оказываются принадлежащими одной группе, не означает, что их семантические характеристики полностью совпадают (иногда, с точки зрения стилистики, они являются противоположными). Однако, благодаря тому, что области источника и области цели таких метафорических выражений совпадают, их сходство оказывается сильнее, чем то, которое обычно характеризует слова в синонимическом или двуязычном словаре. Общеизвестно, что не существует абсолютной синонимии или переводческой эквивалентности, поэтому для решения этой проблемы мы согласимся с тем, что “эквивалентными” выражениями являются те, определения которых совпадают. Например, *ponerse tibio* синонимично *ponerse morado*, **только** если оба эти выражения определяются как много есть; аналогичное утверждение справедливо и для переводческой эквивалентности выражений рус. *уписывать за обе щеки* и *быть прожорливым как гусеница*, фр. *se caler les joues*, или итал. *fare una scorpacciata*, то есть эквивалентность фразеологических единиц определяется на основе практического критерия, без которого не возможно было бы создание словарей.

Возникает еще один вопрос: каким должен быть термин для обозначения каждой из областей источника, в сочетании составляющих иконическую модель. Для решения этого вопроса мы объеди-

нили когнитивную теорию с типологической теорией **семантических примитивов**. В конце концов, вышеупомянутая идея Р. В. Гиббса, согласно которой существуют понятия, не нуждающиеся в метафорах (так как имеют “прямое” значение) очень сходна с основным принципом семантической теории А. Вежбицкой относительно онтогенеза значений вообще: существует небольшое количество концептов, самодостаточных для восприятия и не нуждающихся в дополнительных определителях, они способны взаимосочетаться для создания новых понятий. В связи с этим можно предположить, что самодостаточные концепты в числе первых не должны были бы “нуждаться” в метафоре.

Идея “композиционности” абсолютно не противоречит *некомпозиционности*, которая традиционно характеризует значение фразеологической единицы, поскольку термин *некомпозиционность* означает отсутствие индивидуального значения слов-составляющих; мы же понимаем *композиционное значение* как результат сочетания более простых значений, а не значений отдельных составляющих фразеологических единиц; общая идея может быть изучена путем разложения на более “простые” идеи. Например, исп. *tomar el pelo* [**брать волосы*] имеет единственное значение (“обманывать”), а ее составляющие не являются независимыми, но, несмотря на то, что значение данного выражения “неделимо”, оно может содержать две “первинные” идеи (“причинять”, “думать”, “фальш”, и т. д.). Концептуальная композиционность значения является полностью независимой от формальной композиционности многокомпонентного выражения.

Данный композиционный принцип позволяет объяснить тот факт, что *иконические модели* не нуждаются в “собственных” определителях: названия иконических моделей совпадают с группой образов, которые их характеризуют. Тот факт, что композиционность является возможной, но не всегда обязательной, позволяет допускать возможность, при которой одна область источника может представлять иконическую модель сама по себе (например, [животное] в зооморфизмах). Сложность состоит в объективном, непредвзятом и случайном определении области источника. В таком случае имеет смысл прибегнуть к типологической теории А. Вежбицкой (Wierzbicka 1991, 1996, 2000), так как автор оперирует универсальными и неделимыми понятиями уже по определению.

В процессе исследования сплошной многоязычной выборки ФЕ в соответствии с вышеизложенными принципами стала очевидной необходимость расширить список образов, продуктивность которых была бы несомненной (ЖИВОТНОЕ, КЛИМАТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ, ПРЕДМЕТЫ...). Это определенным образом противоречит желанному параллелизму теории универсальных примитивов (*universal primes*), поскольку речь идет о понятиях, универсальность которых не доказана: не во всех языках есть слова, которые показывают существование понятия как такового. Однако следует принимать во внимание следующее:

- 1) речь идет о понятиях, существующих в большинстве языков
- 2) если они не зафиксированы в языке, значит должны существовать их гипонимы (например, существуют языки, в которых отсутствует гипероним “животное”, но существует большое количество названий животных).

Поскольку именно гипонимы используются для образования метафоры (например, исп. *ser un burro* *быть ослом, исп. *ser un lince* *быть рысью, исп. *ser un gallina* *быть курицей), мы предпочитаем гипонимы (в данном случае животное) в качестве элемента классификации, хотя они и не универсальны. Данное утверждение справедливо и для растений, предметов, климатических явлений и т. д., поскольку лишь абстрактность, которая является их общей характеристикой, отсутствует в некоторых языках. Таким образом, мы включили именно данные понятия в общую классификацию. Очевидно, что производные концепты, соотносимые с физиологической деятельностью человека (*есть, пить, спать*), элементарны. Они не были включены в общий перечень по той причине, что иногда их лексикализация проходит на более специфическом уровне. В некоторых языках существуют глаголы для обозначения разных способов принятия пищи, в зависимости от того, является ли агент животным или человеком, представляет ли собой пища твердый, жидкий или мягкий продукт и т. д., является ли процесс “еды” полным, завершенным, длительным, точным, повторяющимся или обычным и т. д., но отсутствует общий гипероним, эквивалентный понятию “есть”, возможно по причине исчезновения в прошлом (Ramies 2002). В определенных языках допустимо существование более общего уровня (понятие, которое охватывает “все, что проглатывается” без разграничения есть, пить, дышать ...) (там же). В связи с этим мы считаем рискованным

включать некоторые из этих понятий в группу областей источника, участвующих в создании метафоры, несмотря на то, что они не универсальны по определению.

Таким образом, субъективность возможна лишь при выборе уровня гипонимии, на котором устанавливаются категории (например, между пространством и движением, или произвольным и непроизвольным движением). Хотя при этом изменяется степень точности категорий, поскольку применение в определенных национальных условиях выявляет онтогенетические особенности, которые подтверждают, по крайней мере, в большинстве исследованных примеров, влияние когнитивных механизмов, о которых говорили Дж. Лакофф, М. Джонсон и Р. В. Гиббс, а также их большое значение для лексикологических и лексикографических исследований фразеологических единиц.

Приведем некоторые примеры из работы, проведенной совместно с докт. Е. Иньестой на материале более 20 языков. Здесь предлагаются лишь отдельные категории, необходимые для иллюстрации описанного метода. Проанализируем универсальное понятие голода, а именно идею “чувствовать голод”.

Все выражения, зарегистрированные в разных языках и собранные в сплошной выборке, можно распределить по схеме, в которой содержатся лишь 7 иконических моделей. Модели так же приближаются к метафорическому выражению многих других понятий (см. Таблица 2). Так, например, категория 3.1. включает *частные метафоры* из разных языков, объединенные *архиметафорой* голод вызывает болезнь человека, которая содержится в иконической модели [конфликт] наряду с другой архиметафорой (голод убивает человека). Такими фразеологическими единицами являются следующие см. Таблица 3). Между тем в категории 4 иконическая модель [животное] содержит единственную *архиметафору* голодный человек – это животное, в которую входят следующие частные метафоры (Iñesta & Pamies 2002) (см. Таблица 4). При сравнении этой классификации с классификациями других областей источника, например бедность и работа, можно заметить, что иконические модели и архиметафоры, часто повторяющиеся в разных областях источника, частично совпадают (см. Таблица 5). Если сравнить одну иконическую модель (например, тело + движение) в разных областях цели или, скорее, одну из архиметафор (например, работа – это движение тела, бедность

– это движение тела), можно проследить, как виды метафор и виды эквивалентов уподобляются друг другу и/или удаляются друг от друга в зависимости от ситуации (см. Таблица 6).

Два абстрактных понятия, такие как усилие и материальный недостаток, представлены проекцией гораздо более конкретных понятий и имеют одинаковую основу: человеческое тело и движение. При данной мотивации, ни часть тела, ни вид движения не случайны и не этноспецифичны, как могло показаться при рассмотрении данных выражений отдельно и изолированно. В кинезийно-телесных метафорах со значением голода обычно используются понятия пищевого аппарата (аллюзии на рот, зубы, живот...) или рук (аллюзии на жесты с просьбой или жесты со значением упасть на пол). В этом отношении действительно подтверждаются общие положения когнитивной теории.

Нет необходимости упоминать все существующие категории, чтобы понять, что критерии сравнения в соответствии с четырьмя уровнями иерархии указывают на градуальный характер когнитивной эквивалентности метафор в разных языках (Luque 2001; Ramies 2002).

- а) Первый уровень эквивалентности соответствует исключительно совпадению общего референта (например, между исп. *morirse de hambre* *умирать от голода и словак. *škvŕčí ti v bruchu* *они жгут его в животе);
- б) На втором уровне фразеологизмы также воплощают одну иконическую модель (исп. *tener el estómago en los pies* *иметь желудок в ногах, словак. *čigáni ti v bruchu vyhrávajú* *цыгане ему в животе играют музыку);
- в) На третьем уровне метафоры совпадают и в типе архиметафоры (например, исп. *tener más hambre que el burro de los gitanos* *иметь больше голода, чем осел цыган; словак. *by hladný ako vlk*),
- г) На последнем, четвертом, уровне частные метафоры абсолютно идентичны (например, исп. *tener un hambre canina* *иметь голод собачий, словак. *by hladný ako pes*, англ. *to be as hungry as a dog*, рус. *голодный как собака*, укр. *голодний як вовк*).

Сопоставление таких примеров позволяет определить этноспецифические межъязыковые границы, устанавливаемые фразеологизмами, что подтверждает теорию универсалий выдвинутую (Dobrovolskij 1992, 1993, 1998; Ramies 2002). Тот факт, что такое коли-

чество идиоматических выражений не имеет своего *прямого* эквивалента в других языках, автор объясняет не национальными особенностями, а *семантическим переосмыслением* определенных компонентов, которые уже имели переносное или символическое значение, будучи отдельными словами до того, как стали составляющими фразеологизма.

Тем не менее, мы не отрицаем существование национальных особенностей, которые (например, *реалии*) без сомнений составляют этноспецифический арсенал языка. Хотя, как правило, такие единицы образуют отдельные немногочисленные группы, по сравнению с общим лексическим набором языка. В общем, идея несовместимости идиоматических единиц в разных языках объясняется ограничением эквивалентности четвертого уровня, то есть, абсолютным совпадением частных метафор, даже по формальным характеристикам, что никогда не “требовалось” при сопоставлении отдельных слов. С другой стороны, не учтены совпадения на третьем, втором и первом уровнях, которые наблюдаются в значительно большем количестве единиц, поскольку их фразеологическая эквивалентность является не дискретной, а градуальной.

Таблица 1

ОБЛАСТЬ ЦЕЛИ 1 СТРАХ

иконическая модель 1 тело + движение и т. д.

архиметафора 1 движение вниз и т. д.

частная метафора *душа падает в пятки* и т. д.

архиметафора 2 движение вверх и т. д.

частная метафора *волосы дыбом встают* и т. д.

иконическая модель 2 тело + температура и т. д.

архиметафора 1 нагревание и т. д.

частная метафора *avoir chaud aux fesses* и т. д.

архиметафора 2 охлаждение

частная метафора *кровь стынет* и т. д.

Таблица 2

область цели: голод (Iñesta & Ramies 2002: 183)		
ОБЛАСТЬ ИСТОЧНИКА	ИКОНИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ	АРХИМЕТАФОРА
тело движение	1. [тело] + [движение]	1.1. Голод – это движение тела 1.2. Голод – это звук тела 1.3. Человек – это место для голода
цвет	2. [цвет]	2. Голодный человек меняет цвет
смерть	3. [конфликт]	3.1. Голод вызывает болезнь у человека 3.2. Голод убивает человека
цель		
животное	4. [животное]	4. Голодный человек – это животное
поиссесивность	5. [поиссесивность]	5. Человек владеет голодом
пространство	6. [предмет]	6. Голодный человек ест все что угодно
культурные модели	7. экономика, религия	

Таблица 3

рус. щелкать зубами от голода	
исп. tengo un hambre que no veo estar desmayado sufrir hambre	*я так голоден, что не вижу *находиться в обмороке *страдать от голода
фр. être malade de faim souffrir la faim	*болеть от голода *страдать от голода
порт. ter uma fome que nem te vejo sofrer fome desmaiar de fome	*иметь голод, что даже тебя не вижу *страдать от голода *падать в обморок от голода
ит. veder doppio dalla fame avere una fame da non vederci soffrire fame	*двоиться перед глазами от голода *иметь голод, что даже не видеть там *страдать от голода

англ.	to be faint with hunger to be suffering hunger	*иметь головокружение от голода *страдать от голода
укр.	пекти під грудьми нудити під грудьми	*печет/обжигает под грудью *тошнить под грудью
чск.	padat hlady šilhat hlady	*падать (от) голод(а) *косить от голода
слвк.	škvřčí mu v bruchu	*шкворчит в животе
ист.	nälg tamab silmanägemise ära võtta	*голод хочет глаза вытащить

Таблица 4

рус.	волчий аппетит голодный как волк голодный как собака свирепый аппетит (у кого-то)	
исп.	tener un hambre canina tener más hambre que el perro de un ciego tener más hambre que el perro del afilador tener más hambre que un piojo en una peluca tener más hambre que un lagarto tener más hambre que el gato Anastasio tener más hambre que el burro de los gitanos tener más hambre que un león en una huerta tener un hambre feroz ladrarle el estómago (a alguien) patir mes fam que un gos	*иметь собачий голод *иметь больше голода, чем собака слепого *иметь больше голода, чем собака точильщика *иметь больше голода, чем вша в парике *иметь больше голода, чем ящерица *иметь больше голода, чем кот Анастасий *иметь больше голода, чем цы- ганский осел *иметь больше голода, чем лев в огороде *иметь свирепый голод *лает желудок (у кого-то) *иметь больше голода, чем собака
ктл.	patir mes fam que un gos lligat a un carro	*страдать больше голода, чем со- бака, привязанная к повозке
фр.	avoir une faim de loup avoir une faim de cheval avoir les crocs être affamé comme un loup être affamé comme un vautour être affamé comme un ours être affamé comme un lion	*иметь голод волка *иметь голод коня *иметь клыки *быть голодным как волк *быть голодным как гриф *быть голодным как медведь *быть голодным как лев

prt.	ter fome canina ter fome de lobo ter uma fome de leão ter mais fome do que o leão do Circo Vostok,	*иметь голод собачий *иметь голод волчий *иметь голод львиный *иметь больше голода, чем лев из цирка Восток
ит.	avere una fame da lupo avere il male della lupa sentire i morsi della fame	*иметь волчий голод *иметь боль волчицы *чувствовать укусы голода
рум.	a avea o foame de lup a-i chiorăi mațele de foame	*иметь волчий голод *скрипят кишки от голода (у кого-то)
анг.	one's stomach to be howling to be as hungry as a wolf to be as hungry as a bear to be as hungry as an elephant to have a wolfish appetite to be so hungry one could eat a horse to be as hungry as a dog to be ravenously hungry to be ravenous to have a ravenous hunger	*живот воет *быть таким голодным как волк *быть таким голодным как медведь *быть таким голодным как слон *иметь волчий аппетит *быть таким голодным что съел бы и коня *быть таким голодным как собака *быть по-вороньему голодным *оворониться
нем.	hungrig wie ein Wolf sein (jemandem) knurrt der Magen hungrig wie ein Löwe sein	*иметь вороний голод *быть голодным как волк *живот урчит
гол.	honger hebben als een paard honger hebben als een rund	*голодный как лев быть *голод иметь как конь *голод иметь как вол
укр.	вовчий апетит голодний як вовк голодний як собака по животу мов коти лаять вола б з'їв	*волчий аппетит *голодный как волк *голодный как собака *в животе лаят кошки *вола бы съел
чск.	vlčí hlad sníst vola na posezení sníst vola i s kopyty	*волка голод *съесть быка за один раз *съесть быка с копытами
слвк.	by hladný ako vlk by hladný ako pes psotou trie	*быть голодным как волк *быть голодным как собака *царапать как собака
плк.	być głodnym jak wilk być w stanie zjeść konia z kopytami	*быть голодным как волк *быть способным съесть коня с подковой
маг.	Éhes mint a farkas	*голод имеет как волк
гуа.	che vare'ave ka'i botáánicogui	*я голодаю как обезьяна в ботаническом саду

Таблица 5

Область цели: работа		
область источника	иконические модели	АРХИМЕТАФОРЫ
движение тело температура конфликт предмет животное	1. [тело] + [движение]	1.1. Работа – это движение тела
	2. [тело] + [температура]	2.1. Работа ума – это нагревание тела
	3. [конфликт]	3.1. Работа – это агрессия
		3.2. Работа – это самоагрессия против части тела
		3.3. Умственная работа – это самоагрессия против мозгов
		3.4. Работа сводит с ума человека
3.5. Работа убивает человека		
3.6. Работающий человек – это жертва других		
4. [движение] + [предмет]	4. Работа вообще – это очень специфическая деятельность	
5. [животное]	5.1. Работающий человек – это животное	
6. [возможность] + [количество]	6.1. Работа находится за пределами реальности	
культурные модели	7. религия	
Область цели: бедность		
область источника	иконические модели	АРХИМЕТАФОРЫ
поссесивность тело пространство животное предмет движение	1. [поссесивность]	1.1. бедный человек не имеет еды
		1.2. бедный человек не имеет даже самой мелкой монеты
		1.3. бедный человек не имеет одежды
		1.4. бедный человек не имеет абсолютно ничего
	2. [тело] + [движение]	2.1. бедность – это движение тела
2.2. бедность – это место для человека		
3. [животное]		3.1. человек – это животное
	3.2. бедный человек сожительствоует с мерзкими животными	
4. [предмет]	4. бедный человек – это предмет	
культурные модели	5. религия, история	

Таблица 6

бедность:

рус.	(хоть) кровь из носа лезть из кожи вон кровавый пот	
исп.	no tener qué llevarse a la boca no tener ni para untar un diente	*не иметь, что нести себе в рот *не иметь даже намазать на один зуб
	estar con una mano delante y otra atrás	*быть с одной рукой впереди, а другой сзади
	no tener donde caerse muerto	*не иметь, где упасть мертвым
фр.	n'avoir rien à se mettre sous la dent	*не иметь ничего положить под зуб
прт.	n ao meter nada à boca estar com um m ao na frente e outra atrás	*не класть ничего в рот *быть с одной рукой впереди, а другой сзади
ит.	non aver niente da metter sotto i denti	*не иметь ничего положить под зуб
анг.	to live from hand to mouth	*жить от руки до рта
чск.	nemít nic do huby	*не иметь ничего для губ (морды)
слвк.	nemat' nič pod zub nemat' čo do úst' vlot'it' nemat' kde hlavu zlot'it'	*не иметь ничего под зубом *не иметь, что в рот положить *не иметь, где голову прислонить
укр.	голий як долоня	*голый как ладони
работа:		
исп.	echar los hígados (en algo / para hacer o conseguir algo)	*выкидывать печень (куда/для того, чтобы что-то сделать или чего-то добиться)
	sudar sangre	*потеть кровью
	sudar la gota gorda	*потеть толстыми каплями
	dejarse la piel	*сбрасывать свою кожу
	sudar la camiseta	*пропотеть майку
	echar el resto	*выкинуть остаток
	echar los restos	*выкинуть остатки
ктл.	suar sang	*потеть кровью
фр.	suer sang et eau en baver	*потеть кровью и водой *в слюнях (текут слюни)
	faire travailler sa matière grise	*заставлять работать свое серое вещество
прт.	suar sangue	*потеть кровью
ит.	sudare quattro camicie sudare sette camicie sputare l'anima sputare sangue impegnarsi anima e corpo	*запотеть четыре рубахи *запотеть семь рубах *выплюнуть душу *выплевывать кровь *настаивать душой и телом

рум. a se pune cruciș și curmeziș	*себя сделать скрещенным и пересеченным
a-și pune creierii la contribuție	*себе поместить мозг во взнос (контрибуцию)
анг. to put oneself out	*поместить себя из
to go all out	*идти все из
lay oneself out	*поместить себя из
to bend over backwards	*согнуться назад
to lean over backwards	*наклониться над назад
to throw oneself into something body and soul	*бросить себя во что-то телом и душой
to put one's back into (something)	*поместить спину в (что-то)
укр. кров з носу	*кровь из носа
хоч кров з носу	*хоть кровь из носа
Лізти із шкіри	*лезть из кожи
вилазити із шкіри	*вылазить из шкуры

ЛИТЕРАТУРА

- Diller, A. M. 1991, "Cohérence métaphorique, action verbale et action mentale en français", *Communication* 53: 209–229.
- Dobrovol'skij, D. O. 1992, "Phraseological universals: theoretical and applied aspects", in: Defer, M., Auwera, J. (eds.): *Meaning and Grammar. Cross-Linguistic Perspectives*. Berlin: de Gruyter, 279–301.
- Dobrovol'skij, D. O. 1993, "Typologie et universaux en phraséologie", in Dupuy-Engelhardt, H. (ed.): *Études lexicales*. Reims: CIRLEP & Presses Universitaires de Reims. 101–110.
- Dobrovol'skij, D. O. 1998, "Национально-культурная специфика во фразеологии (II)", *Вопросы Языкознания* 6:48–57.
- Dobrovol'skij, D. O. 2000, "Idioms in contrast: a functional view", in Corpas, G. (ed.): *Las lenguas de Europa: estudios de fraseología, fraseografía y traducción*. Granada: Comares: 367–388.
- Gibbs, R. W. 1999, "Researching Metaphor" in Cameron, L. & Low, G. (eds.): *Researching and Applying Metaphor*, Cambridge University Press, 29–47.
- Iñesta, E. & Pamies, A. 2002, *Fraseología y metáfora: aspectos tipológicos y cognitivos*. Granada: Método.
- Kövecses & Radden 1998, "Idioms: a view from cognitive semantics", *Applied Linguistics*, XVII–3, 326–355.
- Lakoff, G. & Johnson, M. 1980, *Metaphors We Live By*. Chicago: University Press.
- Lakoff, G. 1987, *Women, Fire, and Dangerous Things: what Categories Reveal about the Mind*. Chicago: University Press.

- Lakoff, G. 1993, "The contemporary theory of metaphor", in: Ortony A. (ed.): *Metaphor and Thought*; Oxford University Press, 205–251.
- LeGuern, M. 1973, *Sémantique de la métaphore et de la métonymie*. Paris: Larousse.
- Luque Durán, J. d. D. 2001, *Aspectos universales y particulares del léxico de las lenguas del mundo*. Granada: Método.
- Luque Durán, J. d. D. 2007, "La codificación de la información lingüístico-cultural en los diccionarios (inter)culturales", in: Luque Durán, J. d. D. & Pamies Bertrán, A. (eds): *Interculturalidad y lenguaje*. Granada: Método. Vol. 1. 329–373.
- Luque Nadal, L. 2008, "Las aplicaciones prácticas del Diccionario interlingüístico e intercultural". *Nueva Revista del Pacífico*. Núm. 53. 85–94.
- Martin-Morillas, J. M. 1992, "Antropología cognitiva y psicología cultural: el problema de la construcción del significado subjetivo en la antropología lingüística y algunas de sus aplicaciones", in: Gutierrez Díez, F. (ed.): *El español lengua internacional 1492–1992*, Murcia: a.e.s.l.a, 1996.
- Mokienko, V. M. 1980, *Славянская фразеология*. Москва (trad. galega: *Fraseoloxia Eslava*. Santiago: Xunta de Galicia, 2000).
- Pamies, A. & Iñesta, E. 1999, "Some considerations about multilingual phraseology: the concept of *injustice*", *Acta Linguistica*, 3 (Banská Bystricá), 23–32.
- Pamies, A. & Rodríguez-Simón, F. 2005, *El lenguaje de los enfermos: metáfora y fraseología en el habla espontánea de los pacientes*. Frankfurt: Peter Lang [forthcoming].
- Pamies, A. 2002, "Modelos icónicos y archimetáforas: algunos problemas meta-lingüísticos en el ámbito de la fraseología", en *Language Design*, 4; pp. 9–20. (An electronic version is available at <http://elies.rediris.es/Language.Design/LD4/pamies.pdf>).
- Pamies, A. 2003, "L'interculturel et les universaux phraséologiques", in L'udmila Meškova, (ed.) *Medzinarodna Vedecka Konferencia pri Prílež itosti 25 výročia zoloženia fakulty (7/8-2-2002)*, Monographie d'Acta Linguistica 5 (Banská Bystricá), 17–25.
- Potapova, O. I. 2001, "Comprehension of Idioms of Deception by Russian Speakers in EFL Learning", in Cherednychenko, O. (ed.): *мовні концептуальний картини світу*. Київ: Унв. Тарас Шевченко; 378–381.
- Wierzbicka, A. 1991, "Lexical Universals and Universals of Grammar", in Kefer, M. & Auwera, J. van der (eds.): *Meaning and Grammar*. Berlin: Mouton de Gruyter, 383–415.
- Wierzbicka, A. 1996, *Semantics: Primes and Universals*. New York: Oxford University Press.
- Wierzbicka, A. 1999, "Emotional Universals", *Language Design*, 2; 1–22.
- Wierzbicka, A. 2000, "Primitivos semánticos y universales léxicos: teoría y algunos ejemplos", in Pamies, A. & Luque, J. d. D. (eds): *Trabajos de lexicología y fraseología contrastivas*. Granada: Método. 1–28.

PHRASEOLOGICAL UNIVERSALS AND CONTRASTIVE PHRASEOLOGY**Summary**

The application of the Cognitive Theory of Metaphor to large lexicographic works leads to the necessity of a hierarchic model of conceptual mappings. Otherwise, the number of combinations of source domains with target models would be too large and unpredictable, since the typical examples used by Lakoff and Johnson were only a few and selected rather *ad hoc*. This work is a proposal of analysis of metaphoric idioms according to their underlying mapping into four levels (*iconic models* > *archi-metaphors* > *particular metaphors* > *variants*) in order to compare and classify idioms cross-linguistically.

FRAZEOLOGICZNE UNIWERSALIA A FRAZEOLOGIA KONTRASTYWNA**Streszczenie**

Zastosowanie kognitywnej teorii metafory do obszernych opracowań leksykograficznych stwarza konieczność wykorzystania hierarchicznego modelu conceptualnego mapowania. Jeżeli model ten nie jest wykorzystywany, liczba kombinacji domen źródłowych z modelami docelowymi będzie zbyt duża i nieprzewidywalna, typowe przykłady wykorzystywane przez Lakoffa i Johnsona były nieliczne i przeważnie wybierane *ad hoc*. Niniejszy artykuł przedstawia propozycję modelu analizy idiomów o charakterze metaforycznym według mapowania na czterech płaszczyznach (*modele ikoniczne* > *archimetafory* > *konkretne metafory* > *warianty*). Proponowany sposób analizowania wybranej grupy idiomów umożliwia porównanie i klasyfikowanie jednostek w perspektywie kontrastywnej.